

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

МОЛОДОГО ЖУРНАЛИСТА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

СТР. 2

ПЕСНЯ ОБЪЕДИНИЛА ЛЮДЕЙ

СТР. 2

ДВА НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЯ

СТР. 3

ФРАНКОМАНИЯ
НА ОСТОЖЕНКЕ

СТР. 4

ОСТАЛАСЬ ЛЮБОВЬ
И БЛАГОДАРНОСТЬ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ОДИНОКАЯ ПТИЦА

«Я вот думаю, что сила — в правде! У кого правда — тот и сильней...» — эти строки хорошо знакомы нам по ставшему уже культовым фильму «Брат 2» режиссера Алексея Балабанова,

скончавшегося 18 мая 2013 года на 55-м году жизни. Хотя эта цитата принадлежит главному герою фильма в гениальном исполнении Сергея Бодрова, можно с уверенностью сказать, что этим «девизом» руководствовался в своем творчестве и сам режиссер.

Умение Балабанова доносить до зрителей свою правду и подмечать в обыденном важное, талантливо перенося это в сценарии собственных фильмов, быть глубоким и в то же время понятным сделали его любимцем широкой публики в начале 90-х годов. Однако не сделали «баловнем». Стремительно вознес нового кумира на пьедестал после выхода фильма «Брат», толпа так же стремительно и без сожалений сбросила его оттуда после фильма «Про уродов и людей», не простив Балабанову «такой правды». Но через два года режиссера опять возведут в ранг небожителя после премьеры «Брата 2». И снова успех, и снова самый честный и непредвзятый из ныне живущих, и снова национальный герой...

Сам Балабанов удивительно спокойно реагировал на перемены в настроениях публики. Он полностью отдавал себе отчет в том, что его искусство не может нравиться всем и всегда. И даже после самых опальных своих картин, таких как «Про уродов и

людей», «Груз 200» и «Кочегар», он не пускался в споры, не доказывал, что прав — а его в чем только не упрекали: в расизме, в смаковании насилия, в предельной жестокости! В интервью

Алексей Октябрьнович все больше молчал, не поддаваясь на провокации. Поэтому беседы с ним были немногословными, а в его молчании было подчас не меньше стоящего (а может, даже и больше), чем в ответах. И был удивительно скромен — ничего умозрительно-философского или эпатажного. А если и получалось скандально, то пенять надо было на себя, потому как Балабанов все брал из жизни (вплоть до реплик своих героев!), причем жизни русской.

Судьбы других народов его не волновали. Он был тем самым патриотом, который переживал народные драмы как свои собственные, который знал, что где-то живут сытнее и комфортнее, да только Родина здесь. А Родину он знал! Участник войны в Афганистане, Балабанов видел многое и знал цену человеческой жизни. И он рассказывал о ней, рассказывал свои истории, которые видел сам и которым верил, а на вопросы типа «какова главная идея Вашего ново-

го фильма» любил повторять: «Фильм, который можно рассказать словами, и снимать не стоит. Я не люблю длинно рассказывать — я люблю кино снимать. Хотя вовсе не считаю, что кинематограф — это такое великое искусство, которое как воздух необходимо народу».

Каждый новый фильм становился для него сгустком судеб, которые он проживал вместе со своими героями. Их линии жизни режиссер чертил сам, когда писал сценарии. И таких жизней он прожил девятнадцать. Каждая далась ему нелегко, Балабанов говорил: «Кто-то умеет снимать кино из воздуха. А я не умею. Я снимаю кино из себя». Судьбы его героев всегда «нарисованы» свинцово-серыми цветами, возможно потому, что он всю жизнь прожил в сумрачном Петербурге, который многое ему подсказал. И прежде всего музыку, типично питерскую. Режиссер любил русский рок, насквозь пропитанный атмосферой северной столицы, ее дождями и туманом. Сыграло роль и то, что многие авторы текстов, давно уже ставшие культовыми фигурами в отечественной рок-музыке, — давние друзья Балабанова.

Окрасила жизнь в темные тона и большая личная трагедия режиссера: 20 сентября 2002 года в Кармадонском ущелье при сходе ледника погиб Сергей Бодров. Лучший друг, соавтор многих творческих идей, уникальный актер, который сыграл

главную роль в экранизации «Брата» абсолютно бесплатно, когда все киностудии отказались продюсировать фильм. Но это еще не все: в тот день у Балабанова погиб не один близкий человек, а почти половина съемочной группы, с которой он снимал все свои фильмы, погибли преданные ему единомышленники, готовые работать в любых условиях, погибла его «вторая семья». Вот так один день разделил его жизнь на до и после. И это «после» нравилось ему меньше. Гораздо меньше. Он чувствовал, что его жизнь тоже закончилась в том ущелье, и не раз винил себя за то, что не погиб вместе со своими друзьями.

Но даже после этого Алексей Балабанов продолжил снимать кино, хотя все чаще говорил о необходимости ухода из кинематографа: возраст уже не тот, да и запала маловато стало. Окончательно подкосило здо-

ровье стремительно развивающееся онкологическое заболевание. Балабанов всю жизнь отдал кинематографу, сыграв в этом искусстве удивительно цельную роль, не меняя своих убеждений и не гонясь за наградами и призами кинофестивалей. «Если честно, то <снимаю кино> для себя. Иногда для людей. Но мне очень приятно, когда мои картины нравятся, потому что, значит, я — часть того народа, в котором я живу».

Уход Балабанова из жизни был таким же правдивым, как и его жизнь. Режиссер просил не проводить гражданскую панихиду, в очередной раз упустив возможность услышать аплодисменты, которыми публика традиционно награждает актеров, певцов и режиссеров, провозя их в последний путь. Но если бы панихида состоялась, то на ней, скорее всего, могла бы звучать песня «Одинокая птица» из репертуара «Наутилус Помпилиус» — любимой группы Алексея Балабанова...

*Одинокая птица,
ты летишь высоко
В антрацитовом небе
безданных ночей,
Повергая в смятенье
бродяг и собак
Красотой и размахом
крылатых плечей.
У тебя нет птенцов,
у тебя нет гнезда,
Тебя манит незримая
миру звезда.
А в глазах у тебя
неземная печаль...
Ты сильная птица!..
но мне тебя жаль.*

Анастасия Смирнова,
студентка IV курса ИТФ

Алексей Балабанов и Сергей Бодров на съемках фильма «Брат 2»

В ЧЕРЕДЕ СОБЫТИЙ

ПЕСНЯ ОБЪЕДИНИЛА ЛЮДЕЙ

24 мая на Красной площади с большим размахом был отмечен праздник «День славянской письменности и культуры». В нем участвовали 30 разных хором (более 2000 человек) и два оркестра (Оркестр Министерства обороны и Оркестр военно-морского флота). Основной идеей концерта было исполнение русских народных и современных песен.

Организаторы специально выбрали самые известные песни, чтобы люди, пришедшие на

о тревожной молодости», «Беловежская пушка») звучали и многие другие, не менее известные: «Катюша» М. Блантера, «Широка страна моя родная» И. Дунаевского, «Я шагаю по Москве» А. Петрова, «Песня бременских музыкантов» Г. Гладкова и т. д.

Кроме Пахмутовой на концерте присутствовал еще один важный гость — патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Ему предстояло откры-

Красную площадь, могли подпевать многотысячному хору. Над сценой располагались большие экраны, на которых появлялись слова исполняемых песен. Многие из прозвучавших произведений были написаны замечательным отечественным композитором А. Пахмутовой, которая присутствовала на концерте вместе со своим супругом, поэтом Н. Добронравовым, автором текстов к большинству ее сочинений.

Помимо произведений Пахмутовой («Надежда», «Песня

этого вечера. После песнопения «Отче наш», исполненного многотысячным хором под управлением молодого дирижера, руководителя Синодального хора, председатель русской церкви обратился к публике с речью о празднике Кирилла и Мефодия как Дне славянской письменности и культуры: «Песня как ничто другое объединяет людей, и каждый человек это хорошо знает. Когда встречаются родные, близкие люди, нередко застолье сопровождается песней. Когда солдаты

идут в бой — они тоже поют... Давайте этим многотысячным хором споем те песни, которые объединяли наших бабушек и дедушек, отцов и матерей, братьев и сестер и которые сегодня способны объединять нас как единый народ».

В начале концерта под руководством А. Пузакова было исполнено сочинение П. Г. Чеснокова «С нами Бог». Затем на сцену вышел главный участник масштабного события — дирижер, генерал-лейтенант Валерий Халилов. Ему не впервой было дирижировать таким количеством исполнителей — как известно, он постоянный руководитель парадов 9 мая на Красной площади. Большинство песен прозвучало под его управлением.

Появление на сцене выдающегося российского хормейстера Владимира Минина вызвало бурные овации не только среди публики, но и, что особенно примечательно, среди многотысячного хора на сцене. Минин вдохновенно продирижировал обработкой русской народной песни «Ах ты, степь широкая» для хора a cappella, принадлежавшей перу А. В. Свешникова.

Радость общего слушания и пения у публики достигла апогея. Эффектным и грандиозным по размаху заключением концерта стал праздничный салют в темнеющем вечернем московском небе. А когда праздник был окончен, все разошлись под звуки марша «Прощание славянки», и минор этой музыки, казалось, был наполнен светом, бодростью и силой.

Феликс Стрельников, студент IV курса ИТФ

СИНОДАЛЫ

Если пройти по Брюсову переулку от консерватории в сторону Дома композиторов, то слева обязательно привлечет внимание солидный дом со множеством памятных досок. Это знаменитый дом Большого театра. Здесь в разные годы жили выдающиеся деятели музыкального искусства: А. В. Нежданова и Н. А. Обухова, И. С. Козловский и А. С. Пирогов, М. П. Максакова и Н. С. Голованов... Квартира Николая Семеновича Голованова уже более сорока лет является мемориальным музеем, и именно здесь, в уютном рабочем кабинете, 28 августа — в праздник Успения пресвятой Богородицы и годовщину смерти великого дирижера — состоялся премьерный показ документального фильма «Синадалы».

Предваряющие премьерный показ речи были достаточно коротки: небольшая подводка директора Музея-квартиры Н. С. Голованова Станислава Дяченко, несколько вдохновенных слов консультанта и музыкального редактора фильма Любови Овчинской. И только фигура режиссера — Валерии Ловковой — к сожалению, лишь упоминается: она сама приехать не смогла.

«Простые говорящие головы темы не раскрывают. Когда я посмотрела первый вариант монтажа, я поняла, что имею дело с редким ансамблем автора идеи и режиссера, — высоко оценивает режиссерскую работу в своем выступлении перед показом один

из рассказчиков, доктор искусствоведения Марина Рахманова. — Зрительные образы часто противоречат тому, что реально звучит... Но здесь была гармония». И действительно, сюжет фильма состоит из чередования видеозаписей и фотографий старых архивов, храмовой живописи и церковных интерьеров — и все это крайне органично соотносится со звучанием редких записей духовной музыки.

Сам фильм небольшой, около 40 минут. Но за этот маленький отрезок времени режиссер успевает увлекательно провести нас от истоков создания хора Патриарших певчих дьяков до непростой жизни выпускников Синодального училища в середине XX века. Смотришь на одном дыхании: голоса Марины Рахмановой, регента Хора Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры Владимира Горбика, научных сотрудников музея-квартиры Н. С. Голованова Ольги Захаровой и Алексея Наумова уводят за собой в тот по-своему очаровательный, уже несуществующий мир конца XIX века. Синодальное училище, 90 лет назад в результате вынужденных

преобразований влившееся в Московскую консерваторию как хоровой отдел, — уникальное учебное заведение, заложившее в своих выпускников основы высокого профессионализма и несгибаемую силу духа. И,

В первом ряду — первые дирижеры А. В. Никольский, А. В. Александров, П. Г. Чесноков, В. П. Мухомин. Конец 1920-х гг.

конечно, помимо Н. С. Голованова, замыкающего плеяду великих мастеров церковного пения, героями фильма в первую очередь стали выпускники и педагоги училища: А. Д. Кастальский и П. Г. Чесноков, С. В. Смоленский и С. А. Жаров.

Сейчас, когда история Синодального училища уходит все дальше, трудно переоценить значимость документальных фильмов — подлинных свидетельств времени. Валерия Ловкова уже работает над новым проектом, но будем надеяться, что звучавшие после премьерного показа вопросы и просьбы о продолжении «Синадалов» материализуются в ближайшем будущем.

Ольга Яковенко, студентка V курса ДФ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ДВА НЕЗАБЫВАЕМЫХ ДНЯ

В Московской консерватории еще в апреле прошел Международный фестиваль «Неизвестный Ренессанс: К 450-летию со дня рождения Я. П. Свелинка». Он принес массу приятных впечатлений: это и конференция с участием интересных исследователей, и мастер-классы, и концерты, где звучала малоизвестная музыка, и прекрасные исполнители, отечественные и зарубежные... Будучи на подмоге у организаторов, я имела возможность общаться с людьми, благодаря которым фестиваль состоялся. Так, выдающийся современный органист, клавикордист, композитор и импровизатор Ян Раас

(Нидерланды) предстал перед моими глазами сначала как потрясающе интересный собеседник, а затем как прекрасный, чуткий музыкант.

Вторник, 9 апреля... Чудный солнечный вечер. В нужном мне терминале аэропорта Шереметьево спокойно. Встречающих мало. Садится самолет из Амстердама, и в здании постепенно начинают появляться пассажиры. Спустя двадцать минут выходит интеллигентный человек с большим чемоданом и, увидев в моих руках табличку — Jan Raas, улыбается. Мы знакомимся, и я предлагаю пойти к поездам аэроэкспресса. «Я пойду за вами туда, куда скажете», — отвечает гость. И далее наше время пути до отеля заполняет разговор о самых разных вещах: о музыкальном образовании в России и Нидерландах, о профессии музыковеда, о клавикорде, о композиции и инструментовке, и даже о популярных именах России и Европы. С шуточной гордостью он замечает, что его отца зовут Питер и он, как сын Питера, буквально — Ян Питерсзон, подобно его ренессансному кумиру Яну Питерсзону Свелинку.

Ян Раас — знаменитый исполнитель, который занимается и исследовательской деятельностью. Победитель и член жюри международных конкурсов, почетный профессор нескольких консерваторий, всемирно известный музыкант, автор статей, в частности об истории органа и клавикорда, он говорил со мной, студенткой третьего курса, абсолютно на равных! С самого начала с большим интересом расспрашивал меня о том, какие музыкальные стили и композиторы мне близки, что я анализирую сейчас.

Благодарный и внимательный слушатель, эрудированный, вежливый и скромный, он предпочитал узнавать новое о своем собеседнике, о его стране и музыке, чем что-либо говорить о себе. Хотя и сам рассказывал об исторических и современных органах, об Амстердамской консерватории, о нидерландских полифонистах, или переходил на сугубо жизненные темы, вспоминая забавные случаи из предыдущего приезда в Россию.

Воскресенье, 14 апреля...

Подготовка к концерту «Ренессанс клавикорда». Стоя у входа с пригласительными билетами, вижу нашего гостя: «Надеюсь увидеть вас в зале», — говорит он, проходя мимо меня. Буквально через полчаса благодаря Яну Раасу Конференц-зал наполняется тончайшими звуками клавикорда.

Поначалу слушателям, привыкшим к московскому шуму, было сложно воспринимать инструмент, который общается мягко и тихо, словно шепотом. «Как бы эту Большую Никитскую на время концерта выключить!» — слышалось в антракте. Однако, настроившись на пониженную громкость, присутствующие явно наслаждались музыкой старинных мастеров: Г. Шайдемана, Я. П. Свелинка, А. ван ден Керкхофена, Дж. Фрескобальди, П. Бруны, — и их последователей в XVIII веке: И. С. Баха и К. Ф. Э. Баха. Перед последним номером (три сонатины Г. Бенды) всех ожидал сюрприз: Ян Раас исполнил свое сочинение «Хорошо корродированный клавир» — явную аллюзию на баховский шедевр, а затем предложил слушателям задать любые звуки в качестве темы импровизации. И тут же, совершенно ошеломив слушателей, сочинил небольшую миниатюру на заданный мотив.

Казалось, что Ян Раас действительно вышел из той старинной эпохи, когда быть композитором, импровизатором и исполнителем в одном лице являлось нормальным и закономерным. Насколько он был простым, внимательным и интеллигентным собеседником, настолько же — чутким и вдумчивым музыкантом. Его клавикорд, как и он сам, «говорил» тихо и ненавязчиво, но безумно интересно, содержательно и красиво, подбирая, подобно метким и красочным сравнениям, тончайшие нюансы и изысканные украшения...

Юлия Москвина, студентка IV курса ИТФ

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ОДИН ДРУГОГО ЛУЧШЕ...

Кто сегодня в музыкальном мире не знает оперу «Евгений Онегин» от корки до корки?! Но когда все известно, нередко возникает внутренняя настороженность: с одной стороны, очень уж хочется послушать шедевр в новом, свежем исполнении, с другой опасаться — не испортит ли это новое, незнакомое исполнение впечатление от любимого произведения, сможет ли оно зацепить струны души слушателя? В борьбе этих двух подходов побеждает, как правило, любопытство. Именно оно привело меня в знойный майский вечер на концерт в Большой зал Гнесинского училища, где слушателям была представлена опера «Евгений Онегин» в концертном исполнении.

Наверное, многие не раз ходили на различные постановки этой оперы, у каждого есть определенная запись, которую он считает лучшей. Для меня такой стала постановка Метрополитен-оперы. Несмотря на то что там половина певцов — ино-

странцы, какими-то особыми внутренними качествами этот спектакль поразил, удивил, влюбили в себя.

В ситуации, когда есть «любимое» исполнение, на все остальные смотришь как бы свысока. Однако драма героев, разыгранная студентами колледжа, заставила сердце биться чаще. Какие самородки, какие прекрасные голоса — один другого лучше! Видимо, публика знала об этом: в первом отделении в зал попасть было невозможно и большой компании жаждущих пришлось смотреть представление на мониторе за сценой. Среди них была и я... А затем случилось чудо: второе и третье действие были услышаны «вживую». Не смущала даже умопомрачительная жара, стоящая в

зале, потому что исполнители погружали нас в действие так увлеченно, что всякие мелочи просто забывались. Я не знала из них никого, но понимала одно: эти студенты творят чудеса.

Первое яркое впечатление произвел хор в сцене бала у Лариных. Если бы Рихард Вагнер услышал это исполнение, он бы

явно отказался от одного пункта своего манифеста: в хоре слова не вуалируются! Я слышала каждое слово и удивлялась, как сильно мое внимание захватывает это пение. И поняла почему: слыша-

лись не просто хоровое звучание, но перелив красивых серебряных тембров.

Следующее яркое впечатление — сцена дуэли. Исключительно задушевно была спета ария Ленского — каким-то невероятно глубинным по звуку тенором. А услышав Онегина и в следующем акте Гремина, невозможно было сказать, кто из них лучше. Не говоря о Татьяне с ее роскошным мерцающим голосом.

Стоит ли сравнивать певцов? Как здорово, что они, настолько талантливые, яркие, артистичные, еще и так молоды! Это тем более отраднее, что все они разные. А когда сравнение становится беспомощным, то хочется сказать: «все хороши, каждый по-своему». И это высшая ступень успеха. Конечно же, такой успех был всецело поощрен публикой, ибо по окончании оперы овации еще долго не могли утихнуть...

*Елена Попова,
студентка IV курса ИТФ*

«ФРАНКОМАНИЯ» НА ОСТОЖЕНКЕ

Незвучная маленькая афиша привлекла мое внимание — играют Шарля Алькана. Надо идти! Пик популярности Шарля-Валентина Алькана (Моранжа) приходился на 30-е годы XIX века. В то время он — желанный гость во всех модных салонах Парижа. Современники ставили его в один ряд с Листом и Шопеном. Тем не менее в силу некоторых причин забвение композитора началось еще при жизни. Интерес к нему вновь возник в середине XX века благодаря усилиям исследователей из США и с тех пор только растет. Но в России и ныне Алькан — практически забытый композитор, поэтому встретить его в концертной афише — редкая удача.

Концерт проходил в Мультимедиа арт-музее на Остоженке. Заметка на сайте гласила: «Биенале “Мода и стиль в фотографии” приглашает любителей фотографии на пять музыкальных вечеров, в программе которых лучшие произведения классической музыки — Дебюсси, Бетховен, Прокофьев, Доницетти, Мендельсон, Глинка и другие». Данный концерт был четвертым в цикле и назывался «Франкомания»: должны были быть исполнены симфония Шарля Алькана, две прелюдии Дебюсси — «Девушка с волосами цвета льна» и «Менестрели», а также вторая и третья части Сонаты для скрипки и фортепиано № 2 G-dur Равеля. В концерте принимали участие Людмила Фраенова (скрипка) и Юрий Фаворин (фортепиано).

Импровизированной сценой стал очень современный холл музея: только белый цвет, сухие и острые грани колонн оттенены ловко расположенным освещением; все очень геометрично и в то же время не монотонно — тут и там стоят белые кубы и параллелепипеды, которые желающие могут использовать как стулья. Публика — натуральная московская интеллигенция — свободно располагается в этом бело-ледяном пространстве и между собой беседует. Число слушателей невелико, человек 40–50. Они рассаживаются неспешно и несколько расслабленно по понравившимся им местам. Одним словом, обстановка непринужденно-либеральная, «креативная», как говорят нынче. Елена Амелина ведет концерт с ощущением камерности и некоторой приватности. Неудивительно, что в программу включен Шарль Алькан — блестящий салонный композитор.

Концерт открыла Симфония Алькана для фортепиано соло. Являясь частью цикла «Двенадцать минорных этюдов во всех тональностях ор. 39», она объединяет четыре этюда (№ 4–7). Симфония явно опирается на «немецкую» модель; это едва ли не единственный пример использования композитором сонатной формы без привнесения французских вольностей. Первая часть — типичное сонатное аллегро, содержащее в себе что-то бетховенское; вторая — траурный марш — также поклон великому Маэстро (Алькан был большим знатоком венских классиков и Баха). А две последние части написаны в духе романтических этюдов Шопена или Листа.

Сочинения Алькана отличаются невероятной техниче-

ской сложностью. К чести пианиста Юрия Фаворина, эти сложности были блестяще преодолены. Исполнитель сумел не заикнуться на технической работе, а перейти к художественной стороне произведения, что, безусловно, свидетельствует о высоком мастерстве. Ю. Фаворин создал яркое «оркестровое» звучание с тонкой дифференциацией голосов по тембрам (хотя в меньшей степени это было свойственно третьей и четвертой частям симфонии). В целом исполнение было очень удачным и имело успех у публики: не один сидящий в зале шепнул соседу «красиво!», и не один сосед в ответ одобрительно кивнул. Все-таки Алькан был забыт не так уж заслуженно: в концертной практике его вещи и ныне хороши!

Далее слушателей ожидал небольшой сюрприз: прозвучало не указанное в программе «Размышление» Массне для скрипки и фортепиано (Л. Фраенова, Ю. Фаворин). Исполненное легко и красиво, оно сыграло роль приятного интермеццо, позволив слушателям отойти от романтических порывов Алькана и вернуться в атмосферу камерности. И вовремя — далее в программе следовали две прелюдии Дебюсси.

Ведущая сыграла с публикой небольшую шутку. Объяснив, что сам Дебюсси писал названия в конце каждой прелюдии (не желая, чтобы слушатель или исполнитель находился под властью навязанного образа), она тоже отказалась их объявить. Все были заинтригованы, но меня, увы, музыковедческое образование подвело: с первых же звуков стало ясно, что это именно те прелюдии, которые были заявлены в программе: «Девушка с волосами цвета льна» и «Менестрели», опять в переложении для скрипки и фортепиано. Но музыка Дебюсси не очень удачно звучит в таком варианте: из-за резкого тембра скрипки

исчезает присущее ей звуковое марево, импрессионистическая дымка. Впрочем, «Менестрели» это пережили лучше — тембровая разноплановость заложена в самой ткани пьесы.

В завершение концерта прозвучали две части сонаты Равеля. Исполненная вдохновенно, с большим подъемом, соната, увы, оказалась чуждой гостьей в этом холодном, геометрически выверенном пространстве. Атмосфера непринужденной импровизационности и утонченной интимности только ухудшилась впечатлением: «благородная публика» была смущена дерзким явлением. Пока вставали почти зримые картины полуденной Испании, созданные знойной

гармонией и огненным ритмом, слушатели скучали и поглядывали на часы. По окончании исполнения все же раздалось приличное аплодисменты, кто-то даже лениво крикнул «браво». Видимо, все устали...

А жаль! Ведь концерт был очень интересен. Особенно следует отметить трактовку симфонии Алькана Юрием Фавориным — пожалуй, даже более убедительную, чем у признанного интерпретатора этого композитора, канадского пианиста Марка-Андре Амлена. Холодная обстановка меня смущала, и я не решилась подойти поздравить исполнителей с успехом, а посему делаю это здесь. Спасибо вам за чудесный вечер!

*Кристина Фисич,
студентка IV курса ИТФ
Фото Якова Халипа*

СВОЕ ЛИЦО

Как-то весенним вечером московская публика потянулась на Триумфальную площадь. Но не в Концертный зал им. Чайковского, как можно было бы подумать, а в Камерный зал Московской филармонии. Уютная концертная площадка, рассчитанная всего лишь на сто мест, за редким исключением всегда заполнена до отказа. Тот вечер исключением не стал.

Выступал фортепианный дуэт Ольга Козлова — Николай Кожин. Оба пианиста давно зарекомендовали себя как прекрасные сольные исполнители, да и в ансамбле стали играть с 2006 года, еще в стенах Московской консерватории. Поэтому немалую часть публики составили их постоянные слушатели, остальную же часть — просто любители жанра фортепианного дуэта. Привлекала и грамотно составленная программа, призванная заинтересовать поклонников как серьезной, интеллектуальной музыки, так и более легкой.

Первое отделение было посвящено классикам: звучали соната Моцарта (К. 497) и большая fuga ор. 134 Бетховена (переложение финала его же струнного квартета ор. 133). Второе отделение — представителям национальных школ: открывали его «Славянские танцы» Дворжака, а завершало «Болеро» Равеля. Глубина и полифоническая насыщенность позднего Бетховена, изысканность и филигранность Моцарта, наконец, яркость и сумасшедшая энергетика столь самобытных Дворжака и Равеля — все это исполнителям удалось уловить и передать слушателю. «Изыюминкой» концерта и в то же время объединяющей программой идей стало то, что это были *четырёхручные* сочинения, а не просто музыка для двух роялей, что, пожалуй, привычнее.

Несмотря на бесконечное разнообразие композиционных стилей, каждый солист либо ансамбль должен найти собственный стиль — свое лицо. Без сомнения, Ольга и Николай его нашли. Публика не просто слушала музыку — она видела взаимодействие пианистов, их мимику, эмоции. Можно было заметить некую тайную систему знаков — легкое движение головой, плечом либо кистью; каждое действие было частью органичной картины, которую творил дуэт. Если же закрыть глаза, не вникать в коллизии произведения и детали исполнения, этих музыкантов было просто приятно слушать. А то, что доставляет удовольствие, всегда хочется повторить — поэтому постоянная публика Ольге и Николаю обеспечена!

Горячие аплодисменты, которыми зал награждал дуэт, ласкали бы слух любого артиста. Думаю, никто из пришедших не пожалел, что выбрал именно эту концертную площадку вечером 9 апреля. Я не пожалела!

*Юлия Козлова,
студентка IV курса ИТФ*

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

МУЗЫКА ПРЕКРАСНОЙ ВЕНЫ

В залах Московской консерватории проходит много интересных концертов. Не стал исключением и майский концерт под названием «Музыка Вены» с программой из камерных сочинений Моцарта, А. Шенберга и Э. Кшенека. Исполнители — профессор и выпускники МГК: народный артист России Александр Винницкий (скрипка), Зауре Жарова (скрипка), заслуженный артист России Михаил Березницкий (альт), Ася Соршнева (альт), народный артист России Александр Рудин (виолончель), Эмин Мартиросян (виолончель).

Неожиданным было уже само начало: в качестве своеобразного музыкального приветствия прозвучала «Pizzicato Polka» Иоганна Штрауса в обработке финского композитора Владимира Агопова (выпускника Московской консерватории).

Таким оригинальным образом — пьеской, не указанной в программе, — музыканты погрузили публику в атмосферу музыки Вены.

Первым было исполнено трио Э. Кшенека ор. 122 под названием «*Parvula corona musicalis ad honorem V.A.S.H.*». Композитор написал это додекафонное сочинение по случаю 200-летия со дня смерти И. С. Баха, включив в двенадцатитоновую серию цитату из «Искусства фуги» Баха, а также монограмму VACH. Благодаря художественным достоинствам произведения, а также несмотря на строгость музыки и некоторую сложность ее восприятия, исполнителям (А. Винницкому, М. Березницкому и А. Рудину) удалось удержать внимание публики до конца звучания.

Затем прозвучал квинтет Моцарта до мажор (KV 515). Легкость и изящество, пронизывающие все сочинение, оттеняла проникновенная, утонченная лирика. Здесь возникали и выразительные переключки солирующих инструментов, и необычные тональные перекраски тем. Все эти качества с большим

мастерством передали А. Винницкий, З. Жарова, М. Березницкий, А. Соршнева и А. Рудин.

Завершал концерт секстет А. Шенберга «Просветленная ночь» ор. 4, продолжающий традиции позднеромантического искусства. Секстет имеет литературный первоисточник — поэму «Женщина и мир» Рихарда Демеля, в которой возникают образы природы, лунной ночи, мужчины и женщины. Вся ткань сочинения — очень естественная и наполненная, лирика — страстная и экспрессивная, обостренная по гармоническому наполнению, рисунок линий — изощренный и витиеватый. Каждый участник ансамбля был неотъемлемой частью живого организма, а солирующие скрипка и виолончель воплощали, видимо, характеры главных героев.

На бис прозвучала «Жокей-полька» Йозефа Штрауса — легкая, ненавязчивая пьеска с дополнительным ударным инструментом без определенной высоты (фруста). А. Винницкий остроумно подметил, что этот инструмент может символизировать хлыст жокея. Этот «другой» Штраус еще раз напомнил всем присутствующим цель встречи — погружение в музыку прекрасной Вены.

Севара Мадаминава,
студентка IV курса ИТФ

ОСТАЛАСЬ ЛЮБОВЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ

В этом году исполнилось сто лет со дня рождения Тихона Николаевича Хренникова. В Москве проходит цикл концертов, приуроченных к этому событию, один из которых состоялся весной в Конференц-зале. В концерте принимали участие ученики Тихона Николаевича, выпускники консерватории разных лет. Вечер вела заслуженный деятель искусств РФ, профессор кафедры сочинения Т. А. Чудова. По окончании аспирантуры она на протяжении многих лет была ассистентом своего профессора и, как никто другой, является носителем и продолжателем традиций композиторской школы своего Учителя.

Во вступительной речи Татьяны Алексеевны звучали только слова благодарности и бесконечной любви в адрес своего педагога. В классе Хренникова не было жестких правил обучения, которым должен был следовать каждый студент — он не причисывал всех под одну гребенку. Напротив. В каждом ученике Тихон Николаевич видел нечто особенное, в своем роде уникальное. Так, по рассказу Татьяны Алексеевны, Тихон Николаевич с самых первых уроков почувствовал ее склонность к народной музыке и на протяжении всего ее обучения он воспитывал, взращивал юное дарование именно в этом русле.

Каждый из участников концерта начинал свое выступление с воспоминаний об учителе. Было сказано много добрых и теплых слов, и почти все говорили о том, насколько Тихон Николаевич, занимая большое количество различных постов и должностей, был безотказным человеком. Начиная с самых незначительных просьб и заканчивая обращением Павла Турсунова к своему педагогу, связанным с восстановлением в консерватории после армии, — все это не откладывалось в долгий ящик, а решалось буквально в считанные секунды. И этому Тихон Николаевич учил своих подопечных — помогать всем, кто в этом нуждается, не проходить мимо.

Тихон Николаевич прожил большую жизнь. XX век богат на всякого рода музыкальные новшества, но музыка Хренникова миновала все эти крайние проявления, она лишена вычурности и искусственности. Многие упрекали его в этом, хотя... как же иногда хочется услышать в современной музыке красивую мелодию с простым и ясным аккомпанементом! То же можно сказать и о произведениях учеников Тихона Николаевича, прозвучавших в тот вечер.

Концерт открыл вокальный цикл Татьяны Тхаревой для сопрано и фортепиано. Ярким и запоминающимся было выступление композитора Веры Астровой в духе театрализованного представления: юные Алексей Астров, Марина и Павел Улыбышевы предстали перед публикой в роли ряженых, исполнив несколько песен, написанных для детей, а за роялем был автор. Затем на экране были показаны театральные фрагменты: оперы «Магистры времени» Елены Агабабовой, балета «Суламифь» и оперы «Самозванка» Екатерины Бесединой, балета «Летучая мышь» Павла Турсунова. Андрей Микита исполнил за роялем свои три прелюдии («Акварель», «В ожидании рассвета» и «Сомнение»), написанные в классе Тихона Николаевича. Перед исполнением автор рассказал, что названия в нотах он поставил в конце каждой прелюдии, как у Клода Дебюсси. И в музыкальном отношении эти пьесы действительно близки музыке французского импрессиониста. В завершение вечера

на экране был показан видеоряд из цирковых номеров под музыку Дмитрия Савари.

Сейчас, по прошествии многих лет, былые события воспринимаются иначе. Изменилось все: люди, отношение к жизни. Изменилась и сама жизнь. Сегодня важно — что осталось в памяти тех, кто когда-то был рядом. Осталась любовь и благодарность. И это — главное.

Елизавета Воробьева,
студентка V курса ИТФ

НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

ОБЫДЕННОСТЬ И ПОКОЙ?

Главные герои пьесы «Отморозки», показанной Кириллом Серебренниковым и его студентами Школы-студии МХАТ на сцене «Гоголь-центра», — молодые люди «низшего сословия». Образованию и карьере они предпочли другое. Их жизнь — стремление к участию в изменении власти, постоянные политические заговоры, устроенные митинги, воровство, бе-

основана на «сильных мира сего» и которую можно изменить, лишь разрушив старую власть.

С первых же реплик Серебренников вводит будничные мат, который можно услышать где-нибудь в подворотне или же в час пик в метро, да и это вряд ли. «Ре-во-люция! Ре-во-люция!», «Мы ненавидим правительство!», «Мы маньяки, мы до-кажем!», «Убей буржуя!», «Любовь и война!» — такие лозунги кричат отморозки. Режиссер заставляет зрителя задуматься над вопросом об

зудержный и разгульный образ жизни. Дети 90-х.

На наших глазах разворачивается драма, где они впервые узнают, что такое любовь, смерть, измена и предательство. Здесь все реальное. Реальные люди, реальные проблемы, реальные ситуации. Все то, что скрыто от глаз основной массы людей, для которых главными показателями в жизни становятся обыденность, постоянство и покой. Отморозки бросают вызов бездействию и пытаются изменить реальность. Реальность, которая, по их мнению, целиком и полностью

устройстве нашего государства — тема, конечно, вечная, она всегда интересовала передовые умы разных поколений. Ответ на этот вопрос можно постараться найти в конце пьесы, а пока...

Автор останавливает свой взгляд на одном из отморозков — Грише Жилине. Нищета и

постоянная нужда, неожиданная смерть отца, допросы, обыски и избиения до полусмерти, смерть девушки — все эти события из жизни 23-летнего парня — не выдумка. Главный герой проходит множество испытаний. И ничего не меняется до тех пор, пока осознание действительности постепенно не переворачивается на 180 градусов, когда из его уст звучит фраза: «Все бессмысленно».

Проходит время. И теперь он — тот, кто раньше выходил на площадь и скандировал революционные манифесты, — снимает репортаж о «бессмысленности действий этих...» Смеется над ними. Возможно, переход на другую сторону баррикад стал вынужденной мерой. Если на протяжении всего действия мы могли видеть истинное лицо Гриши, то теперь перед нами скорее маска. Маска, помогающая слиться с толпой, для которой главным в жизни стали обыденность, постоянство и покой...

Тамара Максимова,
студентка IV курса ИТФ

Главный редактор:
профессор Т. А. Курьшева
Ответственный редактор:
доцент М. В. Шеславская
Оригинал-макет: М. В. Переверзева
Сдано в печать 12.09.2013

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
Интернет: tribuna.mosconsrv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-37913
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА